

п 1

543

п 1
543

1929 № 12

ВОЛЯ РОССИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. И. ЛЕБЕДЕВА,
М. Л. СЛОНИМА,
Е. А. СТАЛИНСКОГО,
В. В. СУХОМЛИНА

8-ой ГОД ИЗДАНИЯ

XII ДЕКАБРЬ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ	Журнал	№	12
	Изд. № 1604	общ. №	

ПРАГА
1929

Содержание:

Вл. Лебедев. — В России	3
Франц Верфель. — Дом скорби	18
Вячеслав Лебедев. — Стихотворения	35
Бронислав Сосинский. — В гостях у времени	39
Проф. В. Щепкин. — Душа русского народа в его искусстве	59
А. Эйсер. — Прозаические стихи	75
В. Архангельский. — Печатная и рукописная газета в Советской России	89
В. В. Сухомлин. — Политические заметки: Керенский и Дан. — О дедушках и внуках. — Леон Блюм. — Тоже «музейная редкость». — Куда зачислить Вандервельде	96
С. Постников. — Воспоминания социалистов-революционеров	106

Иностранная жизнь:

Ф. Адлер. — Политическое положение в Австрии	115
Ф. Соукуп. — Победа социал-демократии в Чехословакии	126

Среди книг и журналов:

М. Сл. — Обзор журналов	129
-------------------------------	-----

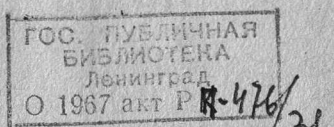
Литературная хроника:

Новые книги А. Даманской. — Покаяние Мариенгофа. — Литературная политика власти. — Спор о психологическом реализме. — Превращения М. Осоргина. — Скандал у конструктивистов	133
---	-----

Отзывы о книгах:

М. Сл. — Н. Мельникова-Папоушкова «Россия вблизи и издалека»	139
Б. А. — К. Миклашевский «Звуковое кино»	140

Указатель содержания «Воли России» за 1929 г.	141
--	-----

~~5377~~

Среди книг и журналов

Обзор журналов

ВОСХВАЛЕНИЕ ОСЛА. — «СРЕДНЯЯ» ЛИТЕРАТУРА. — ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССОРА В ИЗОБРАЖЕНИИ КОММУНИСТА. — ПОЭЗИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА. — СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ СЕЙФУЛЛИНОЙ.

Стремление все и вся связать с «идеологией» проявляется сейчас в советских журналах с новой силой и приводит зачастую бедных авторов к совершенно диким заключениям. Казалось бы, какое отношение имеет исторический материализм к разнице между ослом и лошадью? А вот некий **Гастов**, в очерках «Поездка в Аравию» («Красная Ночь» — десятая книжка) сумел и в такой нейтральной теме выказать собственный революционный пыл. «Во время частого качанья на муле, мне часто приходило в голову, отчего всюду в литературе принято воспевать лошадь?». Лошадь, продолжает марксистский писатель, повинуется насилию, безропотна, рабски подчинена хозяину. То ли дело осел. Он «протестует, саботирует, бастует», бьет копытом, упирается, вообще борется за собственное достоинство. «Удивительно ли, что если феодальные поэты воспевали ненужных львов, орлов и тигров, то буржуазные литераторы сделали объектом своего восхищения глупую, готовую погибнуть по самодурству седока лошадь, и пса, охраняющего дом и засматривающего в лицо хозяину». Коммунистические же творцы приглашаются воспеть осла — символ брыканья и пролетарского саботажа. После этого разделения, ненужные львы и тигры достаются в удел феодальным поэтам, лошадь и собака — буржуазным, а осел — большевицким.

Совсем как в латинском изречении: каждому — свое.

Хотя другие сотрудники «Красной Нови» не так вдохновлены ослами, как Гастов, но пишут они не лучше его. За последнее время замечается несомненный упадок советской средней беллетристики и понижение уровня всего того, что печатается в журналах. Порою кажется, что это какая-то безнадежная пустыня, в которой тщетны даже поиски чего либо освежающего и уходящего от шаблона.

Центральное место в «Красной Нови» занимает повесть нового пролетарского писателя **А. Поповского** — «Анна Калымова». Она еще

не окончена, но тенденция ее ясна. Героиня повести — коммунистка, ставшая директоршей ткацкой фабрики, где она в молодости работала при машине и где брат ее и поднесь простой рабочий, хотя и председатель заводского комитета. Встречают ее бывшие товарки и товарищи недружелюбно, вокруг нее создается тяжелая обстановка, а ко всему этому присоединяется еще и то, что новой директорше приходится постоянно сталкиваться с прежним своим возлюбленным, от которого она некогда ушла в красную армию и который теперь обзавелся женой и детьми. Написана вещь добросовестно и тускло.

Як. Рыкачев захотел дать «психологический портрет» профессора, который сперва был либералом, затем революции не понял и не принял, считая, что произошли беспорядки, а не революционные сдвиги, потом постепенно начал работать с большевиками — ради народа. У этого абстрактного профессора нет идеологии, и у него стали складываться тонкие и сложные отношения с современностью. Он вошел в нее, но не принял, не признал ее. Он не сумел изменить своему прошлому. Ему как бы неловко сделать это. Он эмоционально не в силах быть с настоящим. Он пытается найти среднюю линию поведения и благодаря ей остается лояльным и по отношению к чуждой ему власти и революции и по отношению к прошлому — своему и своих товарищей и друзей.

Следует подчеркнуть, что очерк Рыкачева совершенно не носит беллетристического характера. Это психологический этюд на тему, которая является сейчас особенно модной в связи с «чисткой» профессоров, разгромом Академии Наук и требованием от ученых не только участия в «социалистическом строительстве», но и энтузиазма и пыла. Лояльности мало: необходимо жар сердец и восторг во взоре. Очерк Рыкачева раскрывает не столько психологию старой интеллигенции, сколько требования коммунистических начетчиков.

О «строительстве» пишут и поэты. Долго молчавшая **Мария Шкапская** свои новые стихи посвящает не материнству и любви — ее обычным темам — а новому ощущению роста жизни в столицах.

На перекрестках опять стучат —
После таких перерывов,
И блеск кирпича на саженных плечах —
Значит живы.

Льнут и лезут к этажам этажи,
Поет и визжит железо.
Так кровь к месту пореза
В здоровом теле бежит.

Гордый и пьяный
За ударом удар, —
Так заживают у города раны,

Так у города спадает жар,
Так поправляются страны.

Можно отлично понять чувство радости и гордости, которые испытывают те или иные писатели при виде того, как «поправляется страна», и мы отнюдь не собираемся высмеивать этих законных и патриотических эмоций. Но беда не в них, а в том, что выражены они в лучшем случае газетной передовицей, а в худшем — чиновничьим циркуляром или подхалимским заискиваньем перед начальством.

В «Новом Мире», помимо продолжения интересной повести **А. Толстого** о Петре Великом и небольшого, претенциозно написанного рассказа пролетарского писателя **Г. Никифорова** «Игра» на тему о знаменитом профессоре, на старости лет увидевшем, что жизнь и любовь принесены в жертву науки, имеется еще отрывок из романа **Артема Веселого** и рассказ **Сейфуллиной**.

Отрывки **Артема Веселого** — два батальных описания гражданской войны, написанные в свойственной этому писателю броской и размашистой манере. На этот раз, однако, **Артем Веселый** отказался от всяких словесных выкрутасов, которыми изобиловали прежние его произведения. Он стал проще и суше. Но отрывки незначительны, мелки, и трудно поэтому судить типичны ли они для нового периода творчества писателя.

Рассказ **О. Сейфуллиной** отличается обычными недостатками писательницы: это сырой материал натуралистического повествования, небрежный по языку, мало художественный и по форме и по обрисовке героев и положений. Но именно то, что убивает рассказ, как художественное произведение — фотографическая точность, протокольность жизненной иллюстрации, — делает его интересным с бытовой и общественной стороны. «Расплата» — история гибели пролетарского писателя **Ярославцева**, не умеющего устроить своей личной жизни, запутавшегося в сложных и скверных отношениях к жене и случайным подругам, становящегося жертвой алкоголя, внешней безалаберности и внутренней пустоты. **Ярославцев** изображает в своих произведениях все, что полагается по нынешнему рецепту, но герои его выходят безжизненными, и жена писателя **Ирина** говорит ему: «пускай **Димитрий** у тебя в лес, что ли, пойдет. Чтобы один побыл и подумал. Очень хорошо написано, только почему то они у тебя никогда одни не остаются и не думаю». А когда **Ярославцев** остается один и размышляет о собственной жизни и творчестве, он приходит к выводу, что ценным в его произведениях была только плотская, здоровая радость бытия, но сам он не был по настоящему связан с жизнью, не обладал подлинной общественной средой. И когда он соприкасается со своими читателями, ему приходится выслушать от них не мало суровых оценок. На вечере рабочей критики какая то моло-

дая женщина просит слово после чтения Ярославцевым рассказа и говорит: «конечно, может быть неприлично при самом писателе, ну только очень скучно читать. Вот как возьмешь из библиотеки старого писателя, Тургенева, например, Достоевского или Потапенко, даже если иностранного какого, то интересно. Про всю жизнь описано, а тут что то мелькнет, а дальше непонятно, почему он такой сякой. Вот у него Люба свободная женщина, будто бы передовая. А что же, если мужчин меняет, так это и раньше было. Какая тут больно передовая. Про такую и в старой литературе есть. Потом очень уж откровенно выражается, это тоже надоедает. Что же всякую пакость выписывать. По моему надо писать интересно и повежливей. Вот. Все». А рабочий металлист выражается еще определеннее: «товарищи, вот здесь было сказано, что неинтересно читать. К сожалению, правильно было сказано. Но не потому неинтересно, что не размазано, не растянуто. А вот почему — по одной все линии вытянуто. Красный цвет, товарищи, он ведь никогда не бывает начисто красный. В нем и желтинка есть, и затемнение. Я, товарищи, металлист. Так вот на что крепкая вещь сталь, и та сдает, брак то бывает. Конечно, многое надо отнести в этом браке за счет рук человеческих. Ну, а сам человек? Давайте отнесем за счет общественных условий или нездоровья, ну мало ли объяснительных причин. Да ведь важно, что живого человека без изъяна нет. И неинтересно читать про человека без задоринки, который не сомневается, а если сомневается, так на скорую руку, безвредно».

В сущности, устами этих двух безхитростных людей, Сейфуллина формулирует требования современного читателя: ему надоел «блатной язык», коммунистическая жвачка, изображение добродетельных большевиков, этот самый «красный цвет по одной линии».

Ярославцев приходит к самоубийству, конечно, не потому, что разочаровался в творчестве и не нашел сочувствия в общественности, а потому, что спился и запутался. Но отчасти его гибель вызвана той атмосферой разложения и принуждения, которая его окружает. Настоящей общественности вокруг советского писателя, желающего служить народу и общественным идеям — нет. В этом страшное противоречие между тенденциями **честной** пролетарской литературы и действительностью, в которой она осуждена развиваться. Сейфуллина раскрыла обстановку жизни среднего советского писателя и показала в своем рассказе, к чему ведет «вытягивание одной линии» — искусственное, губительное и мертвящее.

Прочитав рассказ Сейфуллиной, не удивляешься больше пустоте, царящей в московских журналах. Как трудно должно быть творить в этом «искусственном рае», из которого тщательно изгоняется искренность и правда!

М. Сл.